

интеллигенцией противостояли. Во власть после императорских приспешников пришли отнюдь не лучшие представители интеллигенции, а ее подонки, большевики, которые не замедлили с тем, чтобы максимально эксплуатировать самые низменные инстинкты простонародья.

Россия Арвида Ярнефельта

У Арвида Ярнефельта Россия присутствовала в его собственном роду, во многих смыслах. Сам он был наполовину русским, т. к. его мать была русской, хотя и из немецкого рода. Арвид пару лет учился в Москве, владел русским и знал российскую литературу. С российскими родственниками, Клодтами, поддерживалась постоянная связь, и у широко образованного Арвида во многих отношениях имелись возможности стать настоящим космополитом.

Несмотря на это, финский национализм стал тем элементом, которым жили Ярнефельты и в соответствии с которым и для них граница между Финляндией и Россией была реальной, хотя в этом случае через нее и был построен особый мост.

В романе «Роман моих родителей» Ярнефельт дает полудокументальное описание истории своей семьи. Его он писал в 1920–1930-х гг. С исторической точки зрения в нем есть известные ошибки. Сочинение, однако, можно читать как современный документ; искренность автора ставить под сомнение нельзя.

В сценарии Ярнефельта его отец Александр отправился на службу в Россию именно затем, чтобы избежать обрусения, а не освоить ее язык и обычаи. Его целью была карьера, чтобы затем можно было служить своему, говорящему по-фински народу. Александр даже отказывался читать новую русскую литературу, а вместо нее читал по утрам Рунеберга и постепенно выучил его всего. Александр принадлежал к тем, родиной которых была финская нация. Большая часть служивших в России «соотечественников» были, напротив, карьеристами, космополитами или, позже, шведоманами, родиной которых являлось Финляндское государство. Это государство, опять же, было важно для них потому, что оно гарантировало сохранение их привилегий. Народ они презирали или мало интересовались им.

Так обстояли дела, по крайней мере, в изображении сына Арвида десятилетия спустя. Арвид описывает, как его отец затем

влюбился в Елизавету, которая в расовом отношении имела русские черты и которые Александру по ряду причин были не по душе, пожалуй, из-за чувственности. Русскость Елизаветы, с точки зрения финскости, все-таки была дарующей благодать. Она же не знала шведского языка и благодаря этому со временем создала вокруг себя чисто финскую среду. Семья Ярнефельтов стала передовым отрядом в мире образованных людей Финляндии. Ее влияние сказалось как на художественной литературе и музыке, так и на живописи.

Арвид живо описывает, как его отец Александр стремился поддерживать унаследованную им русофобию, чтобы не подпасть под искушение, исходящее от Елизаветы. Особенно русский масленичный кутеж описывается как типичная, присущая соседнему народу чувственная оргия. Противоположность характеров финского и русского предстает как неразрешимая. Более того, «эта естественная, веками, а теперь оправданная последней войной ненависть должна стать в финском сердце самоуверенной силой, которая более верно, чем шипящая от соприкосновения с раскаленным железом вода, помешает любому смешению финнов с русскими. Кто-то сказал очень точно об этом деле: все независимое существование Финляндии зависит от сохранения чистоты этой святой ненависти».

Но Александр, как известно, уступил. Брак с Элизабетой-Елизаветой не помешал ему выполнять свой национальный долг как финского администратора. В художественном изображении Ярнефельта российская власть поддерживает движение фенноманов против шведоманов исключительно по тактическим причинам. Ее цель состоит, прежде всего, в том, чтобы сломить сопротивление шведов с помощью финнов и затем русифицировать страну и, в свою очередь, уничтожить финскую культуру. Это объяснение Ярнефельта нельзя считать неверным.

Идеалом Арвида было бы братство всех людей и всеобщая любовь, включая заботу о народе высших слоев общества. В соответствии с его толстовским мировоззрением, все привилегии являются незаслуженными, и своим талантом злоупотребляют те, кто его не использует на службу ближним. Он считал заблуждающимися и ложными пророками тех, которые одобряют применение насилия ради дела. Таковыми были даже некоторые ученики Толстого, например, Йохан Кок, Жан Больдт, Матти Куриikka. Их идеи исходили из толстовской любви к ближнему и приводили к поддержке вооруженной борьбы.

Слом перегородки между финскими рабочими и русскими военными в 1917–1918 гг. Арвид описывает гротескно. Когда русские солдаты сначала расстреляли сотни своих офицеров, было организовано большое «братание», демонстрация, в которой финны и русские шли плечом к плечу. «Под крики "ура" они продвигались, держа друг друга за руки, и приплясывали». Ситуация была новой и необычной. «Щекотал немного нервы смех, когда сравнивали, как легко русские подпрыгивали, угрюмо уперев в землю взгляд, словно несколько стыдясь публичности танцев, финны неуклюже передвигались шагами в польке. Но смеяться не могли, т. к. видели, насколько серьезно и усердно это делалось с финской стороны, и с каким неистовым весельем танцевали русские, будто пытаюсь научить танцу своих новых братьев».

Ярнефельт в своем романе позволяет матери обсудить ценность и значение этого запанибратства. «Мы бы... не радовались, если неожиданно увидели бы русских и финнов, проводящих совместно какой-то праздник примирения? Могло ли быть для нас что-то более радостное? Александр всегда говорил, что финны и русские с древних времен всегда сражались и воевали друг с другом, и что поэтому не удивительно, что обоюдная вражда в них едва ли не врожденная, которая неустраима. Как я об этом печалюсь всю свою жизнь... А теперь достигнуто ли примирение?»

Для финских националистов это было измена родине, предательство в самом жизненно важном деле. Из-за своих классовых интересов финские красные разрушили ту восточную границу, которая пока спасала финскую нацию от гибели.

Действительно, вскоре вспыхнула беспощадная война, которая охватила ненавистью и местью все общество. Русские в ней участвовали, хотя их роль у Ярнефельта не показана наглядно. Святыми становятся в изображении Арвида в воспоминаниях Елизаветы толстовцы братья Исохииси, которые отказались поднять оружие против других людей и поэтому были казнены красными. История основывается на действительных фактах.

Для Елизаветы новая независимая Финляндия, которая готовилась к возможной войне и в которой говорили о необходимости распространения ненависти на случай этой войны, была совершенно иной, чем та, о которой она мечтала. Эта рождавшаяся новая Финляндия вела не к слиянию классов, о котором размышлял Снелльман, а к еще большей ненависти их друг к другу, подозрениям и страху перед местью. Только самые рьяные шведоманы могли грезить о подобном обществе. Если государство не могло

способствовать сближению высшего и низшего классов, то что говорить обо всей этой независимости!

Арвида детально не касался вопроса об отношении новой Финляндии ко всему русскому. Очевидно, что изображенная в «Романе моих родителей» угрюмость Елизаветы отчасти объяснима также той русофобией, которая в 1920-е гг. разгорелась до неслыханных ранее масштабов и которую в некоторых кругах интеллигенции раздували как ценнейшую идею времени. Время, выбранное для публикации романа, само по себе объясняет, почему в нем не делается даже попытки проанализировать суть большевизма. Каждый порядочный человек понимал, что это худший из ужасов и является противоположностью всей культуры и правды. Для Елизаветы из «Романа моих родителей» Ленин был только одним из современных деспотов, которые верили, что могут определять, как другим следует жить.